

Он был влюблен в своих героев

К 100-летию со дня рождения народного артиста СССР Дмитрия Журавлева

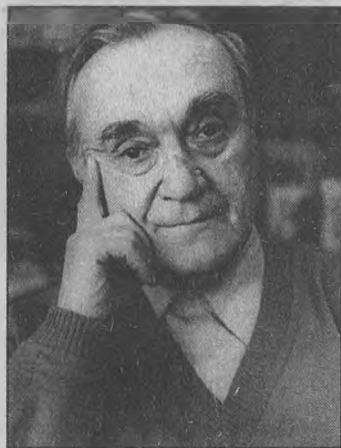
Есть солнечные и теплые люди, рядом с которыми радостно и уютно жить. Характер ли это, или воспитание здесь играет большую роль, или счастливейшее совпадение того и другого, но такие люди, как нечаянная радость, как светлый, утренний час, когда тебе легко и ты счастлив, что живешь на земле, что вокруг тебя люди, которые тебя любят.

Вот таким солнечным, радостным человеком был Дмитрий Николаевич. Где бы, когда бы, при каких обстоятельствах мне ни приходилось с ним встречаться, всегда навстречу шел человек, широко и весело улыбаясь: с удивительной доброжелательностью и какой-то сердечной взволнованностью встречая тебя. Дмитрий Николаевич обладал редкостным даром — умением слушать другого и радоваться человеку, и быть счастливым чужой удачей. Господи! Как же необходимы такие люди! Они как бы прismsиряют встревоженную душу и наполняют сердце надеждой. Какая пустота в твоей душе возникает, когда потухает такой солнечный свет. Дмитрий Николаевич был редкостно раскован, и потому, вероятно, он имел точку сосредоточенности не в себе, что присуще, к сожалению, большин-

ву людей, а был весь в тебе, и потому, вероятно, хотелось рассказать ему о своих бедах и проблемах, ему, именно ему хотелось пожаловаться, попросить совета. И не в том был секрет такого доверительства, что он давал какие-то мудреные советы, а вся притягательность его была в какой-то естественной участливости, в искреннем интересе к тебе. Да и советы-то были больше ободряющие, чем поучающие. Упаси боже, чтобы Дмитрий Николаевич поучал или наставлял. Ты был для него личностью, которая и сама поймет, что ей делать. А нужно только верить и не унывать. И этой поддержки тебе достаточно, ты уже почувствовал в себе уверенность и надежду. И только потому, что в тебе искренно и сердечно заинтересован другой человек.

Как часто мы слышим безразличное и холодное: "Как живешь?" "Как здоровье?" — и видим пустые, скучные глаза вопрошающего. Дмитрий Николаевич был человеком, рядом с которым было просто, хорошо и спокойно.

И его виртуознейшее мастерство чтеца было наполнено этой же влюбленностью в своих героев. Его чтение было какой-то волной вос-

Д. Журавлев

хищения, с которым он разглядывал тех, о ком рассказывал, и призывал слушателя восхищаться, удивляться и радоваться его открытию таких интереснейших героев. Его манера чтения была поразительно задушевной и одухотворенной. Ему как исполнителю были чрезвычайно интересны его герои и были удивительно дороги слушатели, которым обязательно нужно, как и ему, влюбиться в этих героев.

Даже какая-то восторженная но-

та слышалась в его исполнении. Это от влюбленности, от радости приобщения к человеческой неповторимости. Дмитрий Николаевич как бы не мог остановиться и шел и шел за своим героем, и вел за собой слушателей. Давно, давно, когда я еще учился в Училище Щукина, Дмитрий Николаевич подарил нам, студентам, вечер чтения. Мы, замороженные, околдованные слушали этого кудесника. Дмитрий Николаевич читает "Египетские ночи". Ведет, ведет нас, доверчивых, и мы, затаив дыхание, погружены в дивные стихи импровизатора, и вдруг Дмитрий Николаевич неожиданно затихает... "Почему он остановился?" — с тревогой спрашивал я товарища. "Потому что Пушкин дальше не написал", — отвечает издевательски мой товарищ. Но думаю, что дело не только в моей темноте, а вот в этом поразительном магнетизме его чарующего Искусства.

И вот в этом сочетании — неперенной влюбленности в тех, о ком он рассказывает, виртуозного мастерства и какой-то радости его Искусства — и заключалось явление, имя которому Дмитрий Николаевич Журавлев.

Михаил УЛЬЯНОВ

Номер подписан в печать в 14.00. По графику — в 14.00

Культура. — 1997. — 25-30 окт. — с. 12